

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОЗА ДАВИДА МАРКИША

ДАВИД МАРКИШ

ОТ ЧЕРТЫ
ДО ЧЕРТЫ



МОСКВА  2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Оформление серии — *С. Прохорова*

Иллюстрация на переплете и в тексте *Л. Кузнецовой*

Маркиш, Давид.

М26 От Черты до черты : [роман] / Давид Маркиш. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с. — (Большая литература. Проза Давида Маркиша).

ISBN 978-5-699-93604-5

Все мы вышли из Черты оседлости, как русская литература — из гоголевской «Шинели», — это утверждение верно для миллионов восточноевропейских евреев, разделивших свою судьбу с судьбой России и рассеянных сейчас по всему белу свету. Черту оседлости провела в своё время императрица Екатерина II, и на очерченных ею территориях возникла Идишландия – удивительное и по социально-политическому, и по национальному составу образование. Выходцы из него в годы Великой Отечественной войны создали Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), возглавленный культурными лидерами советского еврейства — актёром Соломоном Михоэлсом, поэтом Перецем Маркишем, прозаиком Давидом Бергельсоном, академиком Линой Штерн и другими. ЕАК сыграл существенную роль в сплочении миллионов американских евреев для борьбы с нацизмом и поддержке Советского Союза. Создание в Крыму еврейской национальной автономии обсуждалось в ЕАК под эгидой кремлёвского руководства... Чем всё закончилось — читайте в этой книге, вторая часть которой составлена из стихов и поэмы великого поэта Перца Маркиша, одного из расстрелянных лидеров ЕАК.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Маркиш Д. П., 2017

© Кузнецова Л.,

иллюстрация на переплете и в блоке, 2017

ISBN 978-5-699-93604-5

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Приношу сердечную благодарность
Фонду семьи Блаватник,
без помощи которого эта книга
не была бы написана,
и моему другу Николасу Ильину,
принявшему доброе участие
в создании «Черты».

Давид Маркиш



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Пролог. Черта

Еврейская история сложена из сегментов, весьма условно связанных между собою неким подобием пуповины. Эта сегментарная цепочка увлекает и уводит исследователя в невообразимую глубь времён — туда, где кочевые древние евреи, немногим отличавшиеся от своих диких соседей, гоняли баранов и козлов по зелёным холмам Самарии и каменистым осыпям Иудеи... Быть может, оттуда и пошла наша национальная тяга к кочевью и привычка к перемене мест — свойство, несомненно способствовавшее выживанию народа в экстремальных обстоятельствах. Место рождения и страна проживания приходились еврею родиной, но — промежуточной родиной, коих немало встрети-

лось на нашем историческом пути и которые могли быть заменяемы одна другой. А истинной родиной, куда до поры до времени и не чаяли вернуться, являлся Иерусалим, почти мифический и в то же время существовавший в действительности, в иудейских горах: «Пусть отсохнет моя правая рука, если забуду тебя, Иерусалим!» Эта исполненная драматизма клятва была знакома каждому еврею с детских лет, и не было такого, кто б её не знал и не повторял. Этот обет связывал поколения и еврейские этносы, в лучшем случае знавшие друг о друге лишь понаслышке: эфиопских фалашей и курдистанских лахлухов, восточноевропейских ашкеназов и североафриканских сефардов, индийских Бней-Менаше и грузинских эбразли. И, клянясь в верности Иерусалиму, все они, сообщая, ощущали себя детьми Авраама, Ицхака и Иакова.

А потом духовный порыв иссякал, как и положено всякому порыву, и все они продолжали жить скучной обычной жизнью, по законам, продиктованным здравым смыслом и окружающей средой.

Приятно с тёплой грустью вспоминать «старые добрые времена» — будь то пасторальные заботы о баранах и козлах исторической родины или сельская жизнь в местечках Черты оседлости, по соседству с белой козочкой, так красиво нарисованной Марком Шагалом и Эль Лисицким. Такие ностальгические воспоминания возвышают тебя в собственных глазах.

ОТ ЧЕРТЫ ДО ЧЕРТЫ

Все мы вышли из Черты оседлости, как русская литература из гоголевской «Шинели». И остались от Черты лишь названия местечек да старинные кладбища с выросшими по пояс в землю покривившимися могильными плитами, покрытыми рыже-серым лишайником и полустёртыми еврейскими письменами.

— Караваны идут на Восток,

Караваны еврейских кладбищ...

Кладбища остались, а люди ушли из страны, которая помещалась в границах Черты. Странная эта страна и уникальная называлась «Идишландия», хотя на географических картах такое название не значилось никогда. Евреи, говорившие на языке идиш, жили здесь сотни лет, во второй половине XIX века их численность достигала пяти миллионов человек. Территория их, как нынче принято говорить, «компактного проживания» была широко распластана, она охватывала части современной Польши, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Бессарабии. Европейские государства спорили и вздорили, неверный политический ветер блуждал и менял направление — и государственные границы меняли свои очертания, земли переходили из рук одного правителя к другому, а вместе с землями и люди, их населявшие. Отношения Польши с Россией всегда оставляли желать лучшего, и Идишландию, подвешенную между этими двумя странами, кроили и перекраивали, как отрез ткани на портняжном столе. Жители послушно оказывались то «под поляками»,

то «под москалями». Смена властей воспринималась ими с большим безразличием, а политический расклад трогал в последнюю очередь: погружённые в свою «идишкайт» («еврейскую жизнь» — *идиш*), они, в массе, ею и удовлетворялись и, держась особняком от «гоев», вели замкнутый образ жизни. Идишландия, строго говоря, была одним огромным гетто со своими специфическими особенностями.

Были там, как заведено в нашем мире, и неимущие до изумления, и богачи. Шолом-Алейхем своим безжалостным пером очертил, кто ж он таков — этот местечковый миллионер, вместе с раввином управлявший жизнью местечка: это тот, у кого есть сто тысяч. Действительно, такое трогательное представление могло сложиться лишь в среде легкомысленных и легковесных «торговцев воздухом».

Приспособленные к выживанию под гнётом, за долгие века блужданий по белу свету евреи развили в себе острые конкурентные качества и успешно пустили их в ход при неизбежных контактах с людьми коренных народов, среди которых им доводилось селиться и жить. Так случилось и в России, после трёх разделов Польши в 1772, 1793 и 1795 годах, когда к Российской империи отошли восточные польские территории, густо заселённые евреями.

Случилось это, собственно, ещё раньше — в 1654 году, после захвата Смоленска царём Алексеем Тишайшим, отцом Великого Петра. В придачу к от-

ОТ ЧЕРТЫ ДО ЧЕРТЫ

кушенной польской горбушке Тишайший получил, по разным сведениям, от десяти до пятнадцати тысяч евреев, с которыми «лицом к лицу» в таком количестве Россия не встречалась никогда прежде. Что делать с этими странно одетыми, говорившими на непонятном языке, замкнутыми в своей религиозно-национальной скорлупе новыми подданными никто не знал. И вот решили ничего с ними не решать и оставить их в беспризорном небрежении, как будто они и не значились среди других «военных трофеев». А наиболее предприимчивые из них, единицы, оказавшись «под русскими», присмотрелись к ситуации и подались из Смоленска на Москву в поисках удачи и денег. К этим «единицам» относились яркие люди: Павел Шафиров — отец будущего вице-канцлера барона Петра Шафирова, Веселовские, Евреиновы. Само собою разумеется, все они крестились, приняли православную веру и получили новые, русские имена — это было необходимо, без этого нечего было и думать о поступлении на государеву службу и карьерном росте. Некрещёный отец барона Шафирова, по имени Шая, столь же непредставим в царском Посольском приказе, куда он, владея несколькими языками, поступил переводчиком, сколь невообразим в советские времена беспартийный в МИДе на Смоленской площади. Хочешь в МИД — вступи в партию, хочешь «делать карьер» в Посольском приказе — крестись. Вот Шая и крестился, исходя при этом из незамутнённых пра-

гматических соображений. Можно не сомневаться, что новоявленный «Павел» в душе оставался пламенным иудеем, а сын его, вице-канцлер и барон, до конца своих дней в рот не брал свинины отнюдь не из гастрономических соображений.

Русские цари, надо отдать им должное, отнюдь не приветствовали появления евреев в России — за исключением ограниченного их числа в ряду иностранных специалистов, нанимаемых по контракту на государственную службу. И Екатерина Великая, подписывая 23 декабря 1791 года Указ об учреждении «Черты постоянной еврейской оседлости», вздохнула, надо полагать, с облегчением: теперь российским евреям было строго-настрого запрещено пересекать чётко очерченную границу территории, отведённой им для проживания. Таким образом, предостережения, высказанные венценосными предшественниками Екатерины Второй, были приняты ею со всей серьёзностью. Теперь евреям был заказан путь в столицы и города Внутренней России, чтоб не смущали доверчивого русского человека своей тёмной верой и не соревновались с ним в умении облапошить первого встречного-поперечного ради выгодного интереса.

Сенатор Гаврила Державин — тот самый, прославившийся благословением юного Пушкина («Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил»), — приложил вельможную руку к созданию основополагающего документа «Положение об

ОТ ЧЕРТЫ ДО ЧЕРТЫ

устройстве евреев 1804 года». «Еврейский вопрос» почему-то очень занимал сенатора-поэта, он глубоко его изучил и пришёл к следующим интересным выводам: «Жиды-арендаторы в корчмах продают вино днем и ночью... Сии корчмы соблазн для народа, там крестьяне развращают нравы...» И ещё: «По собрании жатвы (крестьяне) неумеренны и неосторожны в расходах: едят, пьют, веселятся и отдают жидам за старые долги и за попойки всё то, что они потребуют; оттого зимою уже обыкновенно показывается у них недостаток... Так выманивают у них жиды не токмо насущный хлеб, но и в земле посеянный, хлебопашные орудия, имущество, время, здоровье и самую жизнь... пьяных обсчитывают, обирают с головы до ног и тем погружают поселян в совершенную бедность и нищету». И ещё: «Трудно без погрешения и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропивают хлеб жидам и оттого терпят недостаток в нём. Владельцы не могут воспретить пьянства для того, что они от продажи вина почти весь свой доход имеют. А и жидов в полной мере обвинять не можно, что они для пропитания своего извлекают последний из крестьян корм».

Ну что ж, спасибо и на том, что обвиняет сенатор евреев Черты не по полной программе, а лишь отчасти, хотя и значительной... Но это ещё далеко не всё. Вникая в предмет своих исследований, влиятельный сенатор, пользовавшийся доверием царя Александра

Первого и выразивший желание стать «куратором» всего российского еврейства, составил о нас куда как нелестное мнение: «Тунеядцы, они обманом и проницательством пребывали в изобилии за счёт гостеприимцев, не занимались ремёслами и хлебопашеством». Дальше в лес — больше дров: «Жида умны, проницательны, догадливы, проворны, учтивы, услужливы, трезвы, воздержанны, скромны, не сластолюбивы и проч., но, с другой стороны, неопрятны, вонючи, праздны, ленивы, хитры, злы и т.д. ...ни перед кем не снимают своих ермолок ...Нравственного чувства у евреев вовсе нет. Не имеют они понятия о человеколюбии, бескорыстии и прочих добродетелях». А вот и вывод: «Таким образом, евреев род строптивый и изуверный, враги христиан, хотя по определению вечных судеб и останутся в неперменном своём рассеянии, дондеже угодно Всевышнему; но и в сём своём печальном состоянии получают образ благоустройства»¹.

Нечего сомневаться, что за такие ужасные качества и злонамерения евреев ждали утеснения и кары: помимо решительного ограничения на право передвижения, им даже в самой Черте дозволялось селиться и жить лишь в специально оговоренных городах и местечках, но ни в коем случае не в сельской местности — в деревнях и сёлах. А почему? А потому, чтоб не пода-

¹ *Державин Г.* Мнение о евреях. Издательство «Русская правда» М., 2015. (Здесь и далее примечания автора).

ОТ ЧЕРТЫ ДО ЧЕРТЫ

вали дурной пример и не действовали разлагающе на русских крестьян, в частности не приваживали их к выпивке. А то без евреев русские крестьяне просто в рот не брали спиртного и по сей день не берут...

Понятие «местечковость» в сознании русскоговорящих людей накрепко связано с узостью взглядов на жизнь, ограниченностью мышления и глухим провинциализмом. Такая оценка не беспочвенна, но несколько преувеличенна. Местечковые евреи — эти обитатели местечек с нелепыми или смешными шолом-алейхемовскими названиями «Касриловка», «Туняядовка» — предстают перед глазами жителей русских городов, удалённых от Черты оседлости, неприглядными и даже диковатыми существами. Зачем далеко за примерами ходить! Стоит лишь открыть повесть А. Чехова «Степь» с мастерски написанными портретами таких евреев, явившихся на страницы русской литературы напрямик из своей дикой глуши.

Ну вот, теперь пришло время разобраться с тем, что же это за зверь такой — «местечко». Для русского уха «местечко» — уменьшительное от «место». Получается, таким образом, — «маленькое место», а суффикс «ечк» придаёт слову скорее ласковый, чем пренебрежительный оттенок. Получается логическая нестыковка: ласковое, возможно даже пасторальное местечко, где проживают тупые, неотёсанные и нечистые на руку евреи... Но тут всё проще.